

**«Как живут хорошие люди»
(историографические проблемы изучения частной жизни
в России по материалам «духовных дел» 1660—1670-х гг.)**

Вячеслав Козляков

**«How good people live»
(source studies of private life in Russia
based on the materials of the «spiritual affairs» of the 1660—1670s)**

*Vyacheslav Kozlyakov
(Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870013440-5

Антропологический поворот исследований в гуманитарных науках обусловил переключение внимания историков на сюжеты истории частной жизни и повседневности, долгое время остававшиеся в тени изучения проблем власти и общества, революций, социальной и экономической истории. Внимание к частной сфере жизни общества требует изучения особенностей взаимодействия отдельных людей и целых общин, социального быта, соотношения нормы и действительности в светском и церковном праве.

Изучение истории частной жизни в отечественной науке началось в 1990-х гг. под воздействием трудов Ю.Л. Бессмертного, в результате появился Центр «История частной жизни и повседневности» Института всеобщей истории РАН. В статьях исследователей, опубликованных в альманахах «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» и «Одиссей. Человек в истории», рассмотрен методологический потенциал понятия «частная жизнь», изучена историографическая традиция в трудах по европейской истории Средних веков и Нового времени¹. Впрочем, первоначальный оптимизм, связанный с возможностями культурной антропологии, уже прошёл, проблематика изучения «частной» и «повседневной» жизни становится предметом для дискуссий, историки видят возможные ограничения, обусловленные характером и полнотой источников: «Ведь *описание* какой-то истории, тем более *единичного* казуса, ещё не может быть названо полноценным исследованием по истории повседневности»².

Тема истории частной жизни в России XVII в. исследована недостаточно, особенно в сравнении с аналогичными материалами по западноевропейской истории, а публикуемые работы обычно напрямую не связаны с культурной

© 2021 г. В.Н. Козляков

¹ *Бессмертный Ю.Л.* Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное // *Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени.* М., 1996. С. 11—19; *Репина Л.П.* Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // *Человек в кругу семьи...* С. 20—34; *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

² *Тогоева О.И.* История права и история повседневности: точки пересечения // *Одиссей. Человек в истории.* 2014. Вып. 25. С. 360.

антропологией. Труды Н.Л. Пушкарёвой созданы в рамках гендерного подхода; она исследовала историю женщин со времён Древней Руси, основываясь на нарративных источниках: литературных и фольклорных памятниках, сборниках проповедей, текстах вопросников на исповедях, епитимийниках и семейной переписке. Основной акцент в работах Пушкарёвой сделан на разнообразных аспектах эмоциональных переживаний женщин, а частное противопоставляется социальному³. О.Е. Кошелева привлекала внимание к «казусным» примерам российской истории, позволяющим интерпретировать их в контексте изучения частной истории⁴. А.А. Селин исследовал повседневную жизнь новгородского общества времён Смуты, используя хорошо сохранившийся «Новгородский оккупационный архив» в Швеции⁵. Традиционно изучаются частные архивы и переписка XVII в., также косвенно затрагивающие понятие «повседневности»⁶. Существует лишь одно направление, где исследователи смогли продвинуться чуть дальше в изучении частной жизни, — свадебное «поведение», брачные обряды, «церковное регулирование» и предыстория метрического учёта⁷. Исторический опыт церковного права, «домостроевских традиций», проблем брака и развода в православии со времён Древней Руси и в России XVI—XVII вв. рассматривались Е.В. Беляковой, Л.П. Найдёновой, М.К. Цатуровой⁸.

Настоящая статья посвящена исследованию источниковедческих проблем изучения частной жизни по материалам церковного суда в России второй половины XVII в.⁹ Обратиться к этой теме позволяет находка записных

³ Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997; Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X—XVII вв. СПб., 2017.

⁴ Кошелева О.Е. Побег Воина // Казус. 1996. М., 1997. С. 55—86; Кошелева О.Е. Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле // Казус. 1999. М., 1999. С. 148—170.

⁵ Селин А.А. Смута на Северо-Западе в начале XVII века. Очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017.

⁶ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. / Сост. Б.Н. Морозов, О.В. Новохатко, Л.А. Тимошина. Т. 1—4. М.; СПб., 2001—2013; Архив стольника Андрея Ильича Безобразова / Сост. Б.Н. Морозов, О.В. Новохатко, Л.А. Тимошина. Ч. 1—2. М., 2012—2013; Морозов Б.Н. Частные архивы XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Морозов Б.Н. Из истории частных архивов купцов и горожан XVII в. // Морозов Б.Н., Стефанович П.С. Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов. М., 2009. С. 153—164; Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.

⁷ Бушнелл Дж. Борьба за невесту. Крестьянские свадьбы в Рязанском уезде 1690-х гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. 2006. Вып. II. С. 81—98; Пишеницын Д.А., Черкасова М.С. Венечные памяти, пошлыны и записные книги XVI—XVIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3(23). С. 44—95; Пишеницын Д.А., Черкасова М.С. О предыстории метрического учёта в России (XVII — первая половина XVIII в.) // Российская история. 2019. № 1. С. 86—102; Черкасова М.С. Северная Русь: история сурового края XIII—XVII вв. М., 2017.

⁸ Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии. Церковное право и российская практика. М., 2011. С. 93—134; Найдёнова Л.П. Мир русского человека XVI—XVII вв. (По Домострою и памятникам права). М., 2003; Цатурова М.К. Три века русского развода (XVI—XVIII века). М., 2011.

⁹ См.: Николай (Ярушевич), иеромонах. Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). (Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древнерусском церковном суде). Историко-каноническое исследование. Пг., 1917; Полознев Д.Ф. Церковный суд в России XVII века // Исторический вестник: научный журнал. М.; Воронеж. 2002 № 1(16). С. 117—133. Весь выпуск этого издания Воронежско-Липецкой епархии был посвящён современным исследованиям по теме: «Церковный суд в истории России» (см. там же статьи Я.Н. Шапова, Е.В. Беляковой, Е.Б. Емченко, Л.П. Найдёновой, С.Л. Фирова и др.), а также переизданию глав классического сочинения иеромонаха Николая (Ярушевича). См. также:

книг Судного приказа Рязанского архиерейского дома за 1665—1668 и 1675—1679 гг. Рукописи № 13115 (далее — I) и 13105 (далее — II) под названием «Копии челобитных рязанскому архиерею. XVIII в.» хранятся в составе библиотеки Государственного архива Рязанской области (ГА РО). Книги архиерейского Судного приказа оказались надолго «закрыты» от исследователей из-за отсутствия научного описания и неверных заголовков в описи книжно-рукописного собрания архива¹⁰. Между тем ещё в конце XVIII — начале XIX в. эти рукописи использовались архимандритом Иеронимом (Алякринским) при составлении «Рязанских достопамятностей», представляющих собой свод сведений по истории Русской Церкви и Рязанской епархии из актов, рукописей и печатных источников, работа над которым началась после известного указа Синода о присылке летописей в 1791 г.¹¹ В начале XX в. записные книги архиерейского Судного приказа стали предметом исследования воронежского церковного историка С.Н. Введенского. Он верно оценил значение и уникальный характер «трёх объёмистых рукописей (в общей сложности более 2 500 страниц)», хранившихся тогда в собрании Рязанской духовной семинарии, изучил историю их поступления в семинарскую библиотеку из собрания её преподавателя середины XIX в. М.И. Сладкопевцева, опубликовал ряд интересных документов в «Воронежской старине» и в «Трудах Владимирской губернской учёной архивной комиссии»¹². Введенский собирался написать отдельный труд по истории духовных приказов, основанный на обнаруженных им материалах рязанских рукописей (самая поздняя из них, 1690-х гг., пока не найдена). Однако в послереволюционное время ему пришлось переключиться на изучение краеведческих сюжетов, а «Академическое дело» 1929—1930 гг. сделало невозможным продолжение его научной деятельности¹³.

Проблема изучения церковного права XVI—XVII вв. связана с известными трудностями источниковедческого характера. Каноническая сторона и источники византийского и древнерусского права, материалы церковных соборов были подробно изучены ещё в историко-церковной литературе XIX в. Особое значение имели труды Т.В. Барсова о духовном суде, связанные с попыткой «духовно-судебной реформы» в 1870-х гг. Однако разбор конкретных казусов церковного суда основан по преимуществу на материалах Синодального периода Русской Церкви XVIII — начала XX в.¹⁴ Хорошая сохранность

Оспенников Ю.В., Гайденок П.И. Церковный суд на Руси XI—XIV веков. Исторический и правовой аспекты. СПб., 2020.

¹⁰ ГА РО, Библиотека, № 13115; № 13105. См.: Севастьянова А.А. Редкие рукописные книги XVII—XIX веков в Государственном архиве Рязанской области // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 3(60). С. 7—12.

¹¹ Иероним (Алякринский), архим. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. Рязань, 1889. С. 91, 96. О сохранившихся источниках по истории Рязанской и Муромской епархии см. подробнее: Головина Н.В. Источники по истории Рязанско-Муромской епархии XIV—XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2012.

¹² Введенский С.Н. Материалы для истории Воронежской епархии (из рукописей Рязанской духовной семинарии) // Воронежская старина. Вып. 5. Воронеж, 1905. С. 126—135; Введенский С.Н. Из церковной старины Муромского края (Материалы для истории монастырей и приходов в гор. Муроме и его уезде, извлечённые из рукописей библиотеки Рязанской духовной семинарии) // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. Кн. 11. Владимир, 1910. С. 3—22.

¹³ Сергей Николаевич Введенский (1867—1940): Биобиблиографический указатель. Воронеж, 1997.

¹⁴ Барсов Т.В. О духовном суде // Христианское чтение. 1870. № 9. С. 462—510; № 10. С. 587—626; Барсов Т.В. О светских фискалах и духовных инквизиторах // Журнал Министерства

делопроизводства архиерейских домов до XVII в. является скорее исключением из правил, а материалы церковного суда представлены в архивах лишь разрозненными источниками¹⁵. Изучая фонды патриарших приказов и архиерейских домов, исследователи в первую очередь обращаются к источникам по истории внутренней структуры церковных институтов¹⁶. Известные источниковедческие ограничения есть и для исследования приходской жизни XVI—XVII вв.¹⁷

Целенаправленного изучения «духовных дел» церковных судебных приказов до сих пор не проводилось. Хотя в составе архивных комплексов архиерейских домов и в монастырских архивах встречаются документы, имеющие прямое отношение к такому суду: челобитные с просьбами рассмотреть духовные дела, наказные памяти архиереев о сыске и проведении очных ставок, грамоты о решённых делах. Очевидно, что исследователи сталкиваются с проблемой репрезентативности подобного рода материалов: на основании всего лишь нескольких документов очень трудно определить, что это: какой-то казус или распространённая ситуация?

Нормы церковной жизни, перечень духовных дел и порядок их рассмотрения были определены Стоглавом 1551 г.¹⁸ В нём содержались требования к

народного просвещения. 1878. Февраль. Ч. СХСV. С. 350—400; *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1903. С. 178—294; *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887; *Павлов А.С.* Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 394—440; *Суворов Н.С.* Курс церковного права. Т. 1. Ярославль, 1889. С. 303—369; Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской Церкви до эпохи Петра Великого. Вып. 2. Пг., 1914.

¹⁵ *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии. СПб., 1908; *Греков Б.Д.* Новгородский дом Святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. I. СПб., 1914; *Покровский И.М.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906; *Соловьёв Н.А.* Сарайская и Крутицкая епархия // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894. Кн. 3.

¹⁶ *Устинова И.А.* Книги патриарших приказов 1620—1649 гг. как исторический источник. М., 2011; *Устинова И.А.* Архивы русских архиерейских домов XVII в.: К проблеме изучения // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Москва, 14—15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 385—387; *Бащин Н.В.* «Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. // Российская история. 2017. № 5. С. 114—126; *Гневашев Д.Е.* Двор Вологодского архиепископа в XVII в. // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Материалы межрегиональной научной конференции. Вып. 7: Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2001. С. 139—149; *Матисон А.В.* Приказная элита Тверского архиерейского дома (1675—1742 гг.) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. Вып. 92. 2020. С. 61—64; *Мельник А.Г.* Ростовский митрополичий двор в XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 1. 1991. С. 132—144; *Никулин И., свящ.* Структура Тобольского архиерейского дома в 90-е годы XVII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2(8). 2014. С. 120—138; *Устинова И.А.* Служебная биография архиерейского дьяка Даниила Игнатьева: к вопросу о светском элементе в русском церковном управлении XVII в. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 12. М., 2014. С. 83—92; *Устинова И.А., Шамина И.Н.* История Вологодского архиерейского дома: новые источники // Российская история. 2019. № 4. С. 223—231; *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012; *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV—XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 86—100.

¹⁷ *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России XVI—XVII веках. М., 2002; *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012.

¹⁸ Духовные дела были перечислены в 63-й главе Стоглава, повторяющей «Устав о церковных судах» князя Владимира (Стоглав // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 2. Законо-

архиереям судить самим, не передоверяя суд другим архиерейским чиновникам или настоятелям монастырей, организовывать сыск и очные ставки, не доводить рассмотрение дел до «поля» и, по возможности, не основывать свой суд на крестном целовании сторон. Прерогативы церковных властей на суд и управление в Церкви подтверждались также в ставленных грамотах архиереям. Например, в жалованной грамоте рязанскому архиепископу Антонию 5 марта 1623 г. говорилось: «Указали ему, богомолцу своему Антонию архиепископу, в его Рязанской архиепископии архимаритов и игуменов, и монастырских старцов и слуг, и крестьян, и протопопов, и попов, и дьяконов, и весь причет церковный ведати во всяких духовных делех, и в городех мирских посадских и уездных волостных и всяких людей ведати ж и судити в духовных делех и в безчинствах ему, богомолцу нашему Антонию архиепископу, или кому он, богомолец наш Антоний архиепископ, своим приказным людям судити прикажет, а опричь духовных дел никого и никаких людей ни в чем не судити (курсив мой. — В.К.)»¹⁹. По всем другим делам архиерейских приказных людей и домовых крестьян судили в приказе Большого двorca.

С созданием Монастырского приказа по Соборному уложению 1649 г. изменились правила общего суда по делам духовенства (подчинение духовных лиц светскому суду вызвало противодействие патриарха Никона), в то время как суд по духовным делам оставался по-прежнему в ведении патриарха и архиереев²⁰. Однако исторически существовала система, в которой светские приказные чиновники в архиерейских домах участвовали и в рассмотрении духовных дел. Решение вопроса состоялось только при патриархе Иоакиме на церковном соборе 1674/75 г., когда церковный суд по духовным делам был передан от прежних десятильников, архиерейских дворян и детей боярских к церковным властям: «Мирстии духовных дел ни в чем да не ведают». Во всех архиерейских домах, «в приказах», устанавливался один порядок «имети... судей из духовного чина»²¹.

Обратимся к сохранившимся записным книгам Судного приказа Рязанского архиерейского двора 1660—1670-х гг. Подчеркну, что их особенность (отмечавшаяся ещё С.Н. Введенским) состоит в передаче только краткого содержания материалов суда. Подлинники дел в большинстве своём утрачены (за исключением немногих единиц хранения, отложившихся в составе Муромского митрополичьего двора в РГАДА, — документы являются включением в хранящийся в РГАДА фонд Рязанского Солотчинского монастыря)²².

дательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 336—337). См. также: *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000.

¹⁹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1875. Стб. 423—424.

²⁰ Впрочем, некоторые пересечения юрисдикций с архиерейским судом случились после включения в главу XXII Соборного уложения (регламентировавшую применение смертной казни), статей 25 и 26 о наказании за сводничество и убийство детей, прижитых «в блуде», заимствованных из Литовского статута 1588 г. (Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 131, 391—392).

²¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 204. С. 261; *Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874; *Лохвицкий А.В.* Очерк церковной администрации в древней России // Русский вестник. Т. 7. Кн. 2. 1857. С. 222—224; *Николаевский П.Ф.* Патриаршая область и русские епархии в XVII веке. СПб., 1888; *Перов И.Ф.* Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI—XVII вв. Рязань, 1882.

²² РГАДА, ф. 1433, оп. 1, д. 89. См.: Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 3. Ч. 2. М., 1997. С. 729—730. См. также: *Доброклонский А.П.* Описание докумен-

Рязанская и Муромская епархия во второй половине XVII в. включала два основных центра — Переславль-Рязанский и Муром — и имела обширную территорию²³. Среди челобитчиков встречаются жители многих юго-восточных и южных уездов Русского государства — от Каширы и Касимова до Воронежа и Тулы²⁴. Особенно много рассматривалось дел с участием различных категорий служилых людей — детей боярских, рейтар, драгун, стрельцов и полковых казаков в Переславле-Рязанском, Шацке, Рязске, Тамбове, Козлове, Лебедяни и Ельце. Представляет интерес переписка архиерея с поповскими старостами, решавшими на местах несложные дела и в случае необходимости обращавшимися в Судный приказ Рязанского архиерейского двора.

Обстоятельства места и времени создания записных книг Судного приказа Рязанского архиерейского дома, конечно, оказывают непосредственное влияние на содержание дел. Социальная структура населения в этих местах отличалась от остальных российских уездов. На территории Рязанского уезда было немало владений знати и Государева двора, рязанских дворян и детей боярских, в то время как в других уездах преобладали служилые люди «по прибору», было много пришлого и недавно переселённого населения: драгунов, казаков, беглых крестьян, «литовских полоняников». Переславль-Рязанский, Воронеж и Тамбов имели прямые пути сообщения с Доном, поэтому ряд духовных дел связан с донскими казаками. Кроме того, в Рязанской и Муромской епархии находился шацкий Чернеев монастырь, отданный казакам и старшине Войска Донского «на вечное прибежище и на строение», куда старые и увечные донские казаки могли постригаться без вкладов²⁵.

Материалы суда и следствия по духовным делам по большей части отсутствуют, многие обстоятельства тех или иных происшествий остаются неизвестными. Трудно верно оценить влияние на ход дела самих судей, обвиняемых или свидетелей. Иногда даже решение по рассмотренным духовным делам остаётся неизвестным. Поэтому важнее становится фиксация в документах разных явлений, нарушавших привычные нормы жизни, изучение отношения к ним в семьях, крестьянских и посадских общинах, в церковных приходах.

Встретившееся в одном из «духовных дел» и вынесенное в заголовок статьи наставление Рязанского архиепископа Илариона — жить, «как живут добрые люди»²⁶, — показывает существовавшие «идеальные» правила. Суд же архиерейского Духовного приказа, напротив, имел дело с искажениями «обычного» уклада, что, однако, также является важной характеристикой частной жизни в России XVII в. Целью церковного суда было не только наказание, но и исправление, в записных книгах есть примеры того, как при возвращении снятой со священников за провинности «скуфьи» следовало обычное увещевание от архиерея «буде достоин священства, Бог простит» (I, л. 126). Не случайно даже в своём «заветном писании» митрополит Иларион вспомнил о таких нере-

тов Солотчинского монастыря // Труды Рязанской учёной архивной комиссии. Рязань, 1888. Т. 3 [№ 1—7]. С. 51—60, 84—91, 110—116, 137—143.

²³ Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упразднённых... Т. 1—4. Зарайск, 1884—1891.

²⁴ В 1682 г. были созданы отдельные Тамбовская и Козловская, а также Воронежская епархии, поэтому «духовные дела» местного населения были переданы суду новых, впервые назначенных туда архиереев (Комолова Э. В. Воронежская епархия в конце XVII—XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения. Воронеж, 2007).

²⁵ Иероним (Алякринский), архим. Указ. соч. С. 83.

²⁶ ГА РО, Библиотека, № 13115, л. 293.

шённых духовных делах: «Аще же коего священника, или диакона во епархии нашей бывшей, по правилам святых апостол и богоносных отец, от служения отлучих, а мирских от причастия животворящих таин тела и крове Господа нашего Иисуса Христа, и от входа в церкве удалих, они же коих любо ради вин не успеши от нашего смирения прощения получитьи, от века сего в страну вечности преселишася: и аз вся тыя имам прощены и разрешены»²⁷.

Духовное дело обычно начиналось с обращения в Судный архиерейский приказ в Переславле-Рязанском, где при архиепископе Иларионе в 1665—1668 гг. были старец Иов, приказной человек Лев Терехов и дьяк Афанасий Коротнев (I, л. 335). С 1675 г., во исполнение решений церковного собора, в Судном приказе были уже исключительно духовные лица: архимандрит Спасского монастыря Иосиф и старец Геден Гундоров «с товарищами» (II, л. 23, 167). Помимо расследования по «духовным делам», челобитчиками выступали люди, заинтересованные в решении разнообразных «частных» дел, например, по рядным записям или оформлении завещания, при долгом безвестном отсутствии мужа или жены. Правом обращения в Судный приказ обладали также священники, поповские старосты, выступавшие на местах, как в городах, так и в сёлах, посредниками с церковным клиром и приходами небольшой округи.

Среди челобитчиков можно встретить рязанских дворян и посадских людей, приказчиков крупных вотчин. Сведения обо всех таких обращениях в архиерейский Судный приказ фиксировались на страницах записных книг. В случае назначения разбирательства по делу для доставления участников процесса на суд высылались архиерейские дети боярские и другие приставы. Они получали доезжие памяти, по прибытии на место им поручалось организовать сыск, взять поручные записи и доставить ответчиков в Переславль-Рязанский. Для содержания обвиняемых существовала тюрьма на архиерейском дворе, иногда подследственных отпускали на поруки с условием дальнейшей явки в Судный приказ. Штрафы и пошлины за суд шли в архиерейский Казённый приказ, архиепископ накладывал запрет на службу священников (или возвращал им право «литургисати»). В отдельных случаях архиерейский приказ участвовал в рассмотрении дел совместно с другими судами — патриаршим Судным или Разбойным приказами.

Например, по грамоте из патриаршего приказа был проведён сыск о пострижении старца Германа, «что был солдат в полку Матфея Кровкова», в Преображенской пустыни Пронского уезда (I, л. 135). По грамоте патриарха Иоакима, присланной в Касимов 14 октября 1675 г., допросили священника касимовской Казанской церкви. В Москве рассматривался донос на касимовского воеводу Константина Панова, неучтиво принявшего государеву грамоту о подводах, выданную «промышленнику» Ивану Турченину (всё произошло, когда воевода был в гостях у этого священника): «и Костянтин тое государеву грамоту сидя принял ли, и чел ли, и бросил ли; и те речи говорил ли, что он никою не боитца» (II, л. 215).

Некоторых обвинённых архиерейским судом людей отсылали для дальнейшего сыска или наказания в воеводские и губные избы (II, л. 432, 454). В 1665 г. козловец Марк Евфимов «перед приказною избою» был «бит на козле и в провотку кнутом нещадно» по обвинению в сожительстве с дворовой (отпущенной потом на волю). Помимо публичного наказания, поповский староста и соборный священник Родион наложил на него строжайшую церковную епитимью,

²⁷ Иероним (Алякринский), архим. Указ. соч. С. 93.

запретив даже входить в церковь, чем и было вызвано обращение козловского служилого человека к архиепископу Илариону. Рязанский архиерей снял с него излишние запреты и «велел в дом ево со всякою святынею входить и в церковь пускать, да ему ж, Марке, указал по вся годы поститься и на исповедь ко отцу духовному приходить» (I, л. 87).

Значительная часть архиерейского судопроизводства посвящена духовным делам, рассматривавшим проблемы семьи, девиантного поведения и насилия во взаимоотношениях полов: «живет без венца и без молитвы», «против рядные записи не устоял», «женат от живой жены», «бил жену смертным боем», «ис-сильничал блудно», «целовал насильно и хватал нехорошо», «живет содомски», «родила робенка без мужа», «четвертый муж», «четвертая жена», «и за прелюбодейство она с тем мужем своим розведена» и т.п. Много дел связано со ссорами священников и дьяконов по поводу мест их службы, церковных доходов и собственности. Встречаются в записных книгах архиерейского Судного приказа и рядовые дела «о бое и грабеже» или кражах имущества, где истцами или ответчиками выступали «церковные люди». Суть многих дел явно записывали в приказе «с голоса», что придаёт особое значение документам, позволяющим «погрузиться» в повседневную жизнь России XVII в.

Изучение записных книг показывает, что содержание некоторых дел излагалось в книгах открыто, в то время как в ряде случаев содержится одно упоминание о «духовном деле» без подробностей обвинения. Соотношение таких «закрытых» упоминаний явно возросло после 1675 г. по сравнению с предшествующим временем. Иногда создаётся впечатление, что речь шла о своеобразной охране «персональных данных» или доверии только устному суду архиерейских приказных людей. Вполне вероятно, что таково было следствие решений церковного собора 1674/75 г. о передаче суда духовным лицам.

Попытаемся определить, что в записных книгах Судного приказа подразумевалось под словами «духовное дело»? Приведу примеры таких прямых упоминаний содержания духовных дел светских и церковных людей, в частности, в записных книгах 1665—1668 гг. К архиепископу Илариону поступали челобитные в «великом духовном деле» о «четвертом муже» (I, л. 16), на вдову-помещицу, «что живет она блудна с дворовым своим человеком» (I, л. 23), на крестьянина и «беззаконную наложницу ево, с которою он жил от жива мужа, без молитвы» (I, л. 246), «в прелюбодействе» (I, л. 257). Словесный извет в «духовном деле» рассматривался в архиерейском приказе после переполоха, устроенного на одной из улиц Переславля-Рязанского 8 сентября 1667 г. «В третьем часу ночи» дворник запер в клети «жену тюремного сидельца молодицу Матренку Назарьеву» и пришедшего к ней повара Спасского монастыря Ваську Петрова, который стал с нею «блудно творить». Дворник, кстати, сам «освобоженный тюремный сиделец», стал «кликать певчего дьяка Елисея Андреанова и иных тутошних соседей», но заподозренный в духовном деле повар «ис клети верхом ушел». После этого всех участников ночного дела допросили и «взяли сказки за руками», а «молодицу» отправили с приставом в съезжую избу к воеводе: «Велено ей за то дать поучения» (I, л. 296). Приведённый пример раскрывает упомянутое в Стоглаве «смильное заставание», отнесённое к первейшим делам церковного суда.

В духовных делах священников речь шла в первую очередь о нарушениях правил церковного венчания, например, «венчал свадьбу третьим браком от жива мужа» (I, л. 13). В этом случае священники поступали корыстно, скрывая

доходы от венчаний, шедшие в архиерейскую казну, и действовали в нарушение норм семейного права. Тогда как церковный суд преследовал безосновательное оставление супругов, жизнь «без венца» или молитвы (для второго и третьего браков), вступление в четвёртый и даже пятый брак (такой случай произошёл с крестьянкой села Росляи Тамбовского уезда из вотчины «Благовещенского собора государева духовника Андрея Савиновича» (II, л. 193)). Отступление от канонических правил венчания в церкви тоже считалось «духовным делом», как и произношение роженичных молитв в случае рождения детей вне брака. На одного из священников били челом «в духовном же деле, что он в избах и на пчельниках свадьбы венчает и вдовам и девкам роженичные молитвы говорит» (I, л. 116).

Преступления священников, вызывавшие недовольство прихожан, также становились поводом для обращения в архиерейский Духовный приказ. 10 июня 1667 г. поповский староста прислал «извесную челобитную» старосты и крестьян села Сысоева Тамбовского уезда на священников Фому и Кирика «в духовных делах» (I, л. 253). В челобитной описывался конфликт на «мирском сходе», где они обвиняли друг друга: один — в сожительстве с родной дочерью, другой — в «блудном насилии» духовных дочерей и оглашении «во весь мир» исповедальных грехов²⁸. Судя по помете в записной книге, дело было положено «в большой ящик», самих виновников конфликта привезли в Переславль-Рязанский. 14 февраля 1668 г. архиепископ Иларион, даже не разбираясь в деталях обвинений, «снял скуфью» с обоих священников и запретил им служить в церкви.

Споры священников одной церкви были совсем нередки, и когда вражда заходила слишком далеко, в ход шли последние обвинения в «духовном деле». 19 октября 1675 г. священник Никольской церкви села Чеголдаево Рязской десятины Михаил бил челом митрополиту Иосифу на священника Ефрема: «А духовное дело за ево поповою рукою зубной заговорной лист зубной крови из ево Ефремова служебника». Это преступление по Стоглаву могло рассматриваться как «ведовство» или «чародейство»²⁹. Но вывод церковного суда оказался противоположным ожиданиям Михаила, 16 ноября 1675 г. митрополит обвинил его самого, «потому что ссылочных людей допрашивать и веры дать не довелось» (II, л. 223—223 об.).

Заметно стремление назвать «духовными делами» самые серьёзные преступления, привлекавшие общее внимание. Особенно наглядно разницу в делах можно увидеть в челобитной о «матерной брани и духовном деле» (I, л. 295), где союз «и» отделяет простое дело от более сложного. Хотя произнесение «скверных словес» по принятому дополнению в Стоглав тоже относилось к духовным делам, и решение по ним принимал церковный суд. Например, в Духовном приказе разбирали ссору двух соборных дьяконов Моисея и Максима, случившуюся в крестовой палате «за столом» в престольный праздник Успенского собора в Переславле-Рязанском 15 августа 1675 г. На следующий день

²⁸ О примерах нарушения тайны исповеди в XVII в. см.: *Борисов В.Е.* Тайна исповеди, процедура судопроизводства и повседневная жизнь государевых мастеровых в отдельно взятом деле о семи рублях (1666 г.): публикация и исследование // Сборник статей и публикаций, посвящённый Андрею Алексеевичу Булычеву: на 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности. М., 2020. С. 17—36.

²⁹ См.: *Булычев А.А.* Два розыска о «заговорных» письмах во второй четверти — середине XVII столетия (по материалам Разрядного приказа) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 64. СПб., 2016. С. 111—120.

один из дьяконов «словесно» бил челом митрополиту Иосифу, чтобы наказать обидчика за оскорбления: «Бранил ево, Моисея, матерно всякою скверною бранью и будто де он, Моисей, от матери своей из суки выпал и называл ево аригеном, и бутто держится арианской ереси, да он же Максим говорил, бутто он, Моисей, согласник и единомысленник вору Стенке Разину и великому государю изменник» (II, л. 167). Дело разбиралось судьями Духовного приказа на очной ставке поссорившихся соборных дьяконов.

Времена разинского движения упоминались в коллективной «изветной» челобитной священников разных сёл Кадомского уезда митрополиту Иосифу 23 июня 1675 г.: «Живут де в твоей святительской Полестине потриарши попы воровски от бунтов, с воровскими казаками воровали, а их де староста поповской села Саватьмы рождественской поп Филип, и он тем попом потаковщик и ворует с ними заодно, и с них посулы емлет. Сам поп Филип ездил в бунты и на приступах был, и многия он бои чинил, и пушки возил он, поп Филип». Кроме поповского старосты Филиппа в челобитной упоминали его свояка Дивея, служившего в том же уезде и тоже участвовавшего в делах разинцев: «В те поры был во дьячках, и с воровскими козаками был в есоулах, и много он государских людей рубил и казнил всяких чинов неповинных, а ныне он в попах». Дополнительно к этим обвинениям в коллективной челобитной кадомских священников говорилось: «А иные де попы и табак пьют» (II, л. 113—114). Упомянутых священников, обвинённых в участии в разинском бунте, вызвали к расспросу в Переславль-Рязанский, но, допросив, отпустили по домам. Имело ли это дело какое-либо продолжение, неизвестно.

В записных книгах архиерейского Судного приказа остались и упоминания о начале церковного раскола. Среди дел, извлечённых С.Н. Введенским для публикации в «Воронежской старине», выделяется характерный казус «белых попов» Василия и Козьмы, обвинённых игуменом воронежского Успенского монастыря Сергием в пьянстве и «безчинствах». В 1674/75 г. игумен добился получения «послушной грамоты» архиерея, увещевавшей священников. Но суть конфликта заключалась в том, что священник Василий хотел построить в приходе монастыря новую церковь «на усилке» (Введенский приводит неверное чтение «на усклоне») и отказывался платить «четвертой жеребей в церковном доходе и в мире». Далее в записных книгах Судного приказа описывалась ссора воронежских священников, выступивших против новых церковных порядков (обращает на себя внимание «способ» утверждения двоеперстия, конечно, если верить челобитной игумена Сергия): «И поп де Василий указу великого господина и грамоты не слушает, к церкви приходит мало, по беседам упиваетца, с троецким попом Иларионом безчинствуют и свою братью священников, которые того дни литургии Божии пели, ухватя за нос двумя персты, раздавливают до крови, и мирским де людям безчинство чинят». Упоминание о церковной службе «того дни» тоже не случайно, оно связано со стремлением усилить обвинение оскорблением церковных одежд и сосудов. Дальше в челобитной описываются действия священника Василия и «немногих» посадских людей — Федота Аникеева, Никиты и Семёна Елисеевых, «стакавшихся» с «раскольщиками» (слово «раскольник» ещё не устоялось в употреблении) для строительства новой церкви. Игумен Сергей подробно описал различия в службах старообрядцев, пока ещё формально подчинявшихся рязанскому митрополиту Иосифу: «А те де раскольщики Андрюшко, да Дейко, да Зенко Аносовы по новоисправленным книгам церковного пения слушать и детей своих крестить не хотят, и детей де своих младенцов возят крестить в иные приходы и в села

и крестят по прежним потребникам, а не по новоисправленным, и лице де свое крестят двумя персты, Иисусову молитву говорят не против новоисправленных же книг. И когда де бывает ход со кресты около града против солнца на восток, и они де, раскольщики, сами за кресты не ходят, и многих де православных христиан совращают» (II, л. 111)³⁰.

Особый интерес в записных книгах представляют дела, позволяющие иначе взглянуть на традиционные и, казалось бы, уже вполне исчерпанные сюжеты истории России второй половины XVII в. Речь идёт о крепостничестве и беглых людях, когда побеги рассматривались исключительно как проявления социальной розни или пресловутой классовой борьбы. До сих пор совершенно в тени остаются другие проблемы, возникавшие при побегах с одного места на другое, одного супруга или всей семьи. 4 апреля 1665 г. рязанский сын боярский Матвей Яковлев сын Буженинов подал в Судном приказе челобитную архиепископу Илариону о рождении ребёнка у его дворовой «жонки», «мужней жены», муж которой сбежал от своего владельца «другой год». Всё это дало основание обвинить её в том, что «она родила робенка без мужа своего». По памяти из архиерейского приказа никольскому священнику с. Киселево было велено «той жонки допросить в духовне накрепко, с кем она того робенка прижила». Проверке на исповеди подлежали и обвинения челобитчика в побеге дворового человека: «И тому другой ли год как тот муж ея сбежал?». Хотя, судя по словам распоряжения, особых сомнений у судей дело не вызывало: «Что она скажет на ково в том блудном деле, и тое скаски взять у нее за отца ее духовного и за ево, поповую, рукою, прислать в Судной приказ к приказным людям» (I, л. 155).

В записных книгах упомянуты и «сыщики», возглавлявшие временные приказы для поиска беглых на местах. В ноябре 1667 г. к Афанасию Софроньевичу Заболоцкому в «приказ» в Печерниках привели беглого крестьянина с. Ижевского Фильку Михайлова «з жонкою Соломониткою» стольника Василия Яковлевича Голохвостова. Упоминание о «жонке», а не жене, не случайно, так как крестьянин женился, находясь в бегах, на такой же беглой дворовой, принадлежавшей рязанскому подъячему Василию Метюшникову. Сыщик отослал в Судный приказ духовных дел в Переславль-Рязанский отписку об этом, чтобы наказать венчавшего их священника села Топтыкова Козловского уезда (I, л. 336). Есть в делах Судного приказа и примеры того, что беглые люди попадали не только в экономическую, но и личную зависимость, а новые владельцы пользовались их полным бесправием.

Таким образом, материалы записных книг архиерейского суда в России 1660—1670-х гг. дают представление о многих случаях из частной жизни, преимущественно известных по статьям памятников церковного права. Разбор «казусов», сохранившихся в составе духовных дел, позволяет увидеть глубинные основы повседневного быта людей, модели их поведения в разборе коллизий семейной жизни. В записных книгах присутствуют убедительные свидетельства действий людей по защите своей чести и личной неприкосновенности. При этом речь идёт не только о привилегированных лицах, принадлежавших к служилому сословию, но и о делах тех людей, кто составлял в то время «молчащее большинство» народа: приходских священнослужителей, крепостных крестьян, дворовых людей и казаках.

³⁰ Публикацию документа см.: *Введенский С.Н.* Материалы для истории Воронежской епархии... С. 131—132.